Сергей Малых*

ВСТРЕЧА С ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

Мое заочное знакомство с Валерией Сергеевной Мухиной началось в 1982 году, когда я поступил в аспирантуру НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (далее – Институт) в лабораторию генетической психофизиологии. Моим научным руководителем была Инна Владимировна Равич-Щербо. Это было очень насыщенное для меня время. Я много читал и разбирался с методологическими особенностями близнецового метода, поскольку необходимо было подготовить обзор исследований и продумать экспериментальный дизайн диссертационного исследования. Я неделями сидел в библиотеке (Ленинке), благо, она была рядом с Институтом. Периодически мы обсуждали с Инной Владимировной мои продвижения в новой для меня области – психогенетике. Достаточно много времени уходило на то, чтобы разобраться с математическими методами анализа близнецовых данных. В какое-то из первых наших обсуждений у нее дома она достала с полки книгу и посоветовала прочитать ее. Это была книга В. С. Мухиной «Близнецы», которая была опубликована в 1969 г. в издательстве «Просвещение»¹. Следует отметить, что в психогенетике используются достаточно сложные методы анализа для того, чтобы из наблюдаемой и измеряемой в реальной жизни фенотипической изменчивости какого-либо признака выделить непосредственно неизмеряемые генетические и средовые компоненты этой изменчивости. Для оценки этих компонент используют различные методы анализа, но все они базируются на математическом моделировании. В этот период моей жизни у меня еще не было родительского опыта, реального исследовательского опыта и опыта работы с близнецами, поэтому дневниковые записи Валерии Сергеевны дали «прочувствовать» проблему развития и индивидуальности на примере «живого» описания развития близнецов и приоткрыли мне дверь в новую для меня область – область близнецовых исследований. Эта книга «Близнецы» наполнила дыханием реальной жизни мое сложившееся к тому времени достаточно формализованное представление о психогенетике. Впоследствии мы познакомились очно и неоднократно обсуждали с ней проблемы генетики поведения, которые тоже ее очень интересовали.

Я хотел бы остановиться только на одном эпизоде наших обсуждений. В 2004 г. я участвовал в выборах в Российскую академию образования, а Валерия Сергеевна была членом экспертной группы. В какой-то момент она мне позвонила и сказала, что хочет со мной встретиться и обсудить какие-то моменты моих исследований. Мы встретились у нее дома и достаточно долго обсуждали различные проблемы, связанные с генетикой поведения. Прошло достаточно много времени, и какие-то

* **Малых Сергей Борисович** – доктор психологических наук, профессор, академик РАО. Академик-секретарь отделения психологии и возрастной физиологии РАО. Заведующий лаборатории возрастной психогенетики Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований. Коллега Валерии Сергеевны.

¹ Мухина В. С. Близнецы. М., 1969.

детали нашего обсуждения уже забылись, но основные точки нашего обсуждения я помню. Она меня удивила тем, что не только прочитала вышедшую накануне мою монографию «Психогенетика: теория, методология, эксперимент»¹, но и легко ориентировалась в достаточно сложных деталях, о чем свидетельствовали ее вопросы ко мне. Было очевидно, что тема ей интересна. Я попытаюсь восстановить логику нашей беседы, поскольку я отвечал на ее вопросы, и они были не оценочные, а вопросы заинтересованного исследователя, который активно включен в тему обсуждения. То, о чем я расскажу ниже, представляет собой результат нашего диалога. Ей было любопытно, как данные психогенетики могут быть полезны в понимании психического развития ребенка, становления личности. Так, ее очень заинтересовали данные, свидетельствующие о том, что оценки наследуемости психологического признака зависят от психологической структуры деятельности, в которую включен соответствующий признак. Вероятно, это было созвучно ее представлениям о том, что *«человек был бы марионеткой условий бытия и генотипа, если бы он сам не занимал по отношению к своей жизни и к самому себе собственной внутренней позиции»*². Действительно, на психологические особенности влияют не только наследственность и среда, но и взаимодействие этих двух факторов, так называемое генотип-средовое взаимодействие. Кстати, результаты близнецовых исследований никогда не свидетельствовали в пользу биологического детерминизма. Генетические факторы не оказывают изолированного влияния, а проявляются в конкретных условиях среды (или взаимодействуют с ней) как на пренатальном, так и на постнатальном уровнях. Понятие генотип-средового взаимодействия относится к разному проявлению конкретного генотипа в зависимости от тех или иных событий в окружающей среде. Несмотря на общие условия среды, даже у монозиготных близнецов нет абсолютного сходства. Валерия Сергеевна вспомнила, как развивались ее близнецы и насколько разными они были. Почему это происходит? Среда разнообразна и содержит много возможностей, но почему-то один ребенок в этой среде выбирает книги, а его брат предпочитает играть в футбол. С возрастом дети начинают все больше контролировать свою собственную среду и активно выбирают из изобилия возможностей те, что больше сочетаются с их генетическими диспозициями, тем самым различия между генотипом и средой все больше стираются. Таким образом, наследственные факторы формируют избирательность по отношению к среде, ребенок сам отбирает, на что ему реагировать, и фактически начинает сам формировать свою среду. По мнению американского психолога Сандры Скарр, человеческий опыт есть конструирование реальности, а не свойство физического мира, провоцирующего одни и те же впечатления у любого, кто с ним сталкивается³. Эти мысли Сандры Скарр были созвучны научным представлениям и огромному практическому опыту Валерии Сергеевны, которая была не кабинетным ученым, а исследователем, включенным в решение реальных

¹ Малых С. Б. Психогенетика: теория, методология, эксперимент. М., 2004.

² Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 7-е издание, исправленное и дополненное. М., 2020. С. 47.

³ Scarr S., McCartney K. How people make their own environments: A theory of gene-environment effects // Child Development. 1983. Vol. 54. Pp. 424–435.

практических задач. По мнению Валерии Сергеевны, условием развития человека как личности является культурная реальность. Человеческая деятельность вводит его в пространство культуры, и эти различные виды деятельности не только становятся компонентами культуры, но и выступают условиями развития на разных этапах онтогенеза. Как известно, в психологии длительное время преобладали теории о том, что из человека можно слепить все что угодно. Джон Локк в своей книге «Опыт о человеческом разумении» приводит метафору разума как чистого листа бумаги, на котором опыт своей рукой записывает знания¹. Такой же подход исповедуют бихевиористы. Девизом этого подхода стало знаменитое утверждение Джона Уотсона: «Дайте мне дюжину здоровых, нормально развитых младенцев и возможность воспитать их в устроенном по моим собственным принципам мире, и я гарантирую, что выберу любого из них наугад и научу его, как стать специалистом в любой профессии – врачом, адвокатом, художником, торговцем и даже нищим и вором, независимо от его талантов, склонностей, свойств, способностей и расы его прародителей»². Бесспорно, социальное влияние работ Дж. Уотсона огромно, особенно в том, что касается расовых и классовых различий. Если все различия между людьми определяются средой, то есть условиями их жизни, тогда, значит, именно общество порождает эти различия, а не просто отражает природную данность. Именно идеалы бихевиоризма повлияли на попытки социальных реформ, предпринятые в XX в. Эти взгляды получили поддержку в России после революции, когда была поставлена задача формирования нового человека коммунистического общества. Идея создания нового человека оказалась созвучной настроением той бурной эпохи. Беррес Скиннер (ученик Дж. Уотсона), который значительно усложнил и развил концепцию своего учителя, добившись потрясающих результатов в области дрессировки животных, планировал перенести эти открытия на людей, создав своего рода «технологии поведения». На что Валерия Сергеевна рассказала о своем выводе из опыта работы с приматами: «Интеллектуальное поведение животных остается для животных чаще всего как потенциальная возможность»³. Она очень тепло вспоминала свои школьные впечатления от опытов Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс с шимпанзе по кличке Парис, который использовал веточку, для того чтобы достать орехи из трубки. Эта встреча с выдающимся исследователем во многом определила, как она говорила, ее путь в науку.

Но, возвращаясь к основной теме нашей беседы, следует отметить, что, по Б. Скиннеру, гены не кодируют какой-то конкретный тип поведения, например правонарушения или алкоголизм, но предоставляют организму возможность адаптироваться к условиям среды. Среда формирует человека, поэтому понятие личной ответственности не имеет никакого смысла, заключал он. Однако результаты исследований показали, что это не совсем верно. Для большинства изученных психологических характеристик суммарный вклад генетических факторов не менее значим,

¹ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. М., 2022.

² Watson J. B. Behaviorism. Chicago, 1962 (1915); цит. по: International Encyclopedia of Social Sciences. 1968. Vol. 16. P. 486.

³ Мухина В. С. Развитие психики и сознания // Общая психология. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1986. С. 63–91. С. 78.

чем вклад средовых факторов. Опыт воспитания близнецов дал Валерии Сергеевне оценить роль не только среды, но и то, что она называет предпосылками развития, то есть его генотипа. Более того, влияние среды на индивидуальные различия оказывается довольно неожиданным. Оказалось, что изменчивость психологических характеристик в значительной степени обусловлена условиями жизни, различающимися у детей из одной семьи (разные друзья, увлечения, индивидуальный жизненный опыт). Различающийся опыт приводит к различиям и в поведении. Так, данные известного исследователя Роберта Пломина привели к переосмыслению ряда концепций, основанных на представлении о ведущей роли общесемейной среды в формировании индивидуальности человека. Как известно, теории социализации предполагают, что в результате воздействия среды в семье совместный (разделенный) опыт делает братьев и сестер (сисбсы) в семье более схожими. Однако результаты исследований в психогенетике с завидным постоянством показывают, что дети, растущие в одной семье, не разделяют общих эффективных влияний среды, наоборот, влияние индивидуального опыта у каждого из детей приводит к формированию психологических различий между сисбсами. Таким образом, оказывается, что средовые влияния в целом приводят к возникновению *различий* между братьями и сестрами, тогда как своим *сходством* дети в основном обязаны общим генам. Таким образом, несмотря на одинаковые условия среды для детей одной семьи, дети почему-то оказываются очень разными. В целом основной смысл нашего диалога я передал, и из него понятно, почему эта тема была интересна Валерии Сергеевне. Фактически ее вопросы в нашем диалоге задавали целостную структуру и контекст нашего обсуждения. Этот текст – итог нашего с Валерией Сергеевной диалога, который во многом помог мне увидеть многообразие связей генетики поведения с другими актуальными проблемами психологии.